

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

DOI 10.22394/1726-1139-2017-7-153-168

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Начало 1905 г. не было благоприятным для государственности России — отставки, покушения, рабочие манифестации. Самой крупной манифестацией оказалось шествие «Собрания русско-фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» под руководством священника Г. А. Гапона. Главным оружием манифестантов была «Петиция» для подачи царю, в которой рабочие выражали свои нужды. Самодержавие расстрелом рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге породило своего антагониста — революционный народ, в политику государства ворвалась политика улицы, которая сломила веру в царя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Николай II, С. Ю. Витте и общественность, священник Г. Гапон, Петиция, 9 января 1905 г., в. кн. Владимир Александрович, Д. Ф. Трепов, заседание министров 18 января 1905 г., встреча Николая II с «рабочими» 19 января 1905 г., граф А. А. Бобринский о Витте и Николае II, опала Витте

Tairova N. M.

“The Easter World” of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

The beginning of 1905 wasn't favorable for statehood of Russia – resignations, attempts, working demonstrations. The procession of “A meeting of Russian-factory workers of St. Petersburg” under the leadership of the priest G.A. Gapon was the largest demonstration. “Petition” for giving to the tsar in which workers expressed the needs was the main weapon of protesters. The autocracy execution of workers in St. Petersburg has generated on January 9, 1905 the antagonist – the revolutionary people, the policy of the street which has broken faith in the tsar has rushed into policy of the state.

KEYWORDS

Nicholas II, S.Yu. Witte and the public, priest G. Gapon, the Petition, on January 9, 1905, grand prince Vladimir Aleksandrovich, D.F. Trepov, a meeting of ministers on January 18, 1905, Nicholas II's meeting with “workers” on January 19, 1905, count A.A. Bobrinsky about Witte and Nicholas II, disfavour of Witte

* *Продолжение.* Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017. № 2. С. 103–120; № 3. С. 134–145; № 4. С. 176–192.

1905 г. стал политически насыщенным годом для Российской империи. Ни одно европейское государство не смогло бы выдержать натиск на политическую систему различных по своей силе экономических, военных, политических ударов, как Россия. Во-первых, на Россию давили внешние силы на Востоке — со стороны Японии, начался заключительный этап русско-японской войны (1904–1905). Во-вторых, она подверглась внутри себя революционному натиску различных политических и общественных сил (Петиция о нуждах рабочих 9 января, московское восстание 1905 г.). В-третьих, произошел политический поворот царской самодержавной системы в сторону конституционной монархии (Манифест 17 октября 1905 г.). 1905 г. оказался для России переломным.

Возвратимся к концу 1904 и началу 1905 гг. Напряженность витала как в правительственных кругах, так и в обществе. В правительстве своей отставки ожидали министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский и министр юстиции Н. В. Муравьев, а в обществе звучали выстрелы в чиновников. Год начинался с отставки в. кн. Сергея Александровича, который ушел 1 января с поста московского генерал-губернатора.

Помимо войны с Японией существовали и внутренние угрозы. В стране шла напряженная политическая жизнь, а в правительстве постоянно дискутировали, выработывая необходимый алгоритм деятельности министерств. Заданный указом 12 декабря 1904 г. курс вселял надежды на реализацию намеченных реформ. В центре внимания стоял вопрос о выборном представительстве. Как ни парадоксально, Витте и министр финансов В. Н. Коковцов не поддерживали эту идею, выдвинув контраргумент о несовместимости выборного представительства и самодержавия. Царь эту уступку оценил, приняв ее как аксиому — в самодержавии власть царя выше закона. Мало кто осознавал, что страна начинает стремительно двигаться в сторону революционных преобразований. Уже с первых дней января 1905 г. правительству приходилось реагировать на события, мало относящиеся к их решению. Так получилось, что либеральная «политическая весна» кн. Святополка-Мирского после указа 12 декабря 1904 г. сменилась тревожным революционным синдромом 9 января 1905 г.

Одновременно с в. кн. Сергеем Александровичем в отставку вышел приближенный к нему генерал Д. Ф. Трепов, демонстративно объявив, что не может служить с министром внутренних дел кн. Святополком-Мирским, так как не разделяет его политический курс. Но Д. Ф. Трепов был тем генералом полиции, под присмотром которого в Москве (вместе с С. В. Зубатовым) активно распространялась и поддерживалась политика повышения социального положения рабочих. В этих целях создавались рабочие организации, что позволило повысить не только уровень профессиональной деятельности, но и снизить их революционную активность. Впервые в России появились зачатки профсоюзной деятельности с характерной для нее экономической и культурной взаимопомощью. Это организационно укрепляло положение рабочих в системе трудовых отношений на предприятиях. Рабочие Москвы в дальнейшем организованно выступили против полицейского царского режима. Но если так называемая «зубатовщина» распространялась в рабочем движении под полицейским присмотром, то диктаторством Д. Ф. Трепова последовательно и жестко преследовалось политическое движение в студенчестве. Именно поэтому Д. Ф. Трепов снискал себе славу жесткого московского диктатора.

После отставки московский полицмейстер генерал Д. Ф. Трепов изъявил желание поехать на фронт, чтобы выполнить свой патриотический долг перед родиной. Перед выездом на фронт он решил заехать в Петербург, попрощаться с родственниками. Так случилось, что при отправке поезда 2 января 1905 г. на вокзале в него стрелял воспитанник торговой школы Полторацкий, но генералу повезло, так как он не пострадал от выстрела [2, с. 330].

Д. Ф. Трепов, хотя в жизни Петербурга не играл диктаторской роли, как в Москве, тем не менее, в столице был непопулярен и известен как жесткий московский полицмейстер. В Петербурге он воспользовался своими влиятельными связями, убедив высшие чины министерства Двора (среди них был муж сестры Д. Ф. Трепова — А. А. Мосолов), что он тот человек, на которого можно положиться в смутное время. Несомненно, в придворных кругах возник страх за жизнь царя, когда 4 января в Москве произошло убийство дяди Николая II — в. кн. Сергея Александровича, мужа в. княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры императрицы. Царь не присутствовал на похоронах, Москва казалась более революционной, чем Петербург. Это событие ускорило назначение Трепова как человека в. кн. Сергея Александровича и патриота России на высшую должность. В этой связи Трепов не на фронт попадает, а сразу же в генерал-губернаторы Петербурга. Назначение Д. Ф. Трепова на новую должность произошло через три дня после кровавого воскресенья [3, с. 344–345].

С. Ю. Витте первоначально отнесся к Д. Ф. Трепову настороженно. Политическая интуиция и на сей раз его не подвела — год начинался с появления нового фаворита Николая II. В дальнейшем Д. Ф. Трепов действительно приобретает чрезмерно высокое влияние на Николая II. Витте в быстро возвысившемся Д. Ф. Трепове увидел диктатора, т. е. «вице-императора»: выше государя императора для Д. Ф. Трепова никто не существовал. С этого момента возле Николая II усиливается окружение офицеров из конной гвардии во главе с бароном В. Б. Фредериксом [3, с. 346–347].

В это же время в столице нарастали рабочие волнения. Нельзя сказать, что шествие рабочих, подготовленное священником Русской Православной Церкви Георгием Аполлоновичем Гапоном, с намерением пройти 9 января к Зимнему дворцу, являлось секретом для петербургской бюрократии и полиции. Волнения начались с момента увольнения рабочих Путиловского завода. Священник Гапон имел дружеские отношения с градоначальником Петербурга генералом И. А. Фуллоном, который к нему относился с доверием. Г. А. Гапон большие надежды возлагал на градоначальника, который вел переговоры с Витте о восстановлении ранее уволенных рабочих. Но требования рабочих не были удовлетворены, 2 января Нарвским отделом «Собрания русско-фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» было принято решение о проведении забастовки, и 3 января Путиловский завод объявил о ее начале. Министр финансов В. Н. Коковцов 5 января передал царю доклад, где утверждал, что требования, которые выдвигаются рабочими Петербурга, являются незаконными и не могут быть выполнены промышленными предприятиями. Например, Путиловский завод выполнял ответственный заказ для Маньчжурской армии, поэтому не мог устанавливать 8-часовой режим работы и т. д. Царь ознакомился с докладом, а соответственно принял к сведению, что в городе происходят многочисленные забастовки рабочих, на которых рабочие-забастовщики требуют от власти удовлетворения своих нужд.

На следующий день, 6 января, когда царь находился в беседе на Неве со своей свитой и духовенством на крещенском водосвятии (так называемой Иордани), произошел выстрел из пушки. Все было бы в порядке вещей, если бы одновременно с этим салютом рядом с царем, возле его ног, не упали пули. Между тем, царь и его свита не дрогнули. Царю доложили, что в одной из пушек находился кем-то забытый картечный снаряд. Государь, не проронив ни слова, прошел к Зимнему дворцу. Все были уверены, в том числе и царь, что на их глазах только что произошло покушение на его величество. Со слов Каткова, камердинера царя, генеральша А. В. Богданович записала в дневнике его рассказ о том, что, вернувшись с парада, царь пожаловался другому камердинеру — Шалберову: «Сегодня в меня стреляли». Шалберов на это ответил: «Видно, дело очень плохо, если войска начали стрелять в государя»

(запись от 8 января 1905 г.) [2, с. 332]. Затем государь император провел прием иностранных представительств, а после 16 часов с семьей покинул столицу. У царя не было намерений встречаться с делегацией рабочих, он спешно уехал в Царское Село. Идея шествия — идти всем миром к Зимнему дворцу — принадлежала самому Г.А. Гапону, она возникла только 6 января и сформировалась на простой истине — петицию, написанную на бумаге, могут положить под сукно, что нельзя сделать с петицией, принесенной десятками тысяч рабочих¹.

В то же время Г. Гапон не пытался разуверять рабочих в том, что царь отбыл из столицы, но интенсивно продолжал обивать пороги чиновников, пытаясь защитить интересы своих подопечных. Еще 7 января царь ничего не предпринимает, хотя уже знал о волнениях в Петербурге. Но этот день был насыщенным в Петербурге: окончательно составлена «Петиция рабочих и жителей Санкт-Петербурга для подачи царю Николаю II»; Г.А. Гапон встречался с министром юстиции Н.В. Муравьевым в его кабинете и ознакомил его с Петицией рабочих. Министр не проявил сочувствия к Петиции, просьба рабочих лишь холодно была выслушана, а сам министр юстиции как блюститель порядка не предпринял никаких мер по предотвращению демонстрации и не пытался даже арестовать Г.А. Гапона, хотя имел на это право. Не сумев достучаться до министра юстиции, священник шумно повел себя в его приемной, настойчиво требуя устроить встречу с министром внутренних дел П.Д. Святополком-Мирским. Ему дали возможность позвонить из приемной Н.В. Муравьева, но Мирский вообще отказался от встречи с Г.А. Гапоном. Как и предполагал Г.А. Гапон, Петицию не то что не положили под сукно, но ее даже не захотели взять в руки.

Между тем «Петиция рабочих и жителей Санкт-Петербурга для подачи царю Николаю II» являлась первой «народной хартией», она носила как политический, так и экономический характер. С политических позиций главными требованиями выдвигались идеи уничтожения власти чиновников и установления политических свобод в форме Учредительного собрания².

Во избежание кровопролития Г.А. Гапон заблаговременно стал предупреждать власть, что рабочие выдвигают экономические требования и что необходимо обратить внимание на их бедственное положение. Так, 8 января он написал письма Николаю II и П.Д. Святополку-Мирскому, предупреждая их о мирном шествии рабочих 9 января с Петицией, предназначенной царю. Движение рабочих под руководством Гапона через отделы «Собрания русско-фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» являлось прямым отголоском «зубатовщины» в Москве. Петиция была грамотно составлена коллективным авторством, ее составителями были Г.А. Гапон (он имел высшее духовное образование, защитил диссертацию), лидеры — рабочие «Собрания», а также представители демократической интеллигенции³. В Петицию рабочих были включены элементы европейской теории естественного права и общественного договора. В целом содержание Петиции характеризовало бедственное положение не только рабочих Петербурга, но и всего русского народа. В ней были зафиксированы три раздела требований: политические — «Меры против неравенства и бесправия русского народа», где выдвинуты вопросы об освобождении пострадавших за политические и религиозные убеждения, объявлении свободы личности,

¹Шилов А.А. К документальной истории петиции 9 января 1905 года // Красная летопись. Л., 1925. № 2. С. 19–36; Симбирский Н. (Н.В. Насакин). Правда о Гапоне и 9 января. СПб.: «Электротпечатня» Я. Кровицкого, 1906. С. 58; Варнашев Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 1. С. 177–208.

²Петиция рабочих и жителей Санкт-Петербурга для подачи царю Николаю II // Красная летопись. Л., 1925. № 2. С. 33, 35.

³Шилов А.А. К документальной истории петиции 9 января 1905 года // Красная летопись. Л., 1925, № 2. С. 19–36.

слова, печати, собраний, свободы совести в деле религии, общего и обязательного образования, ответственности министров перед народом и законности правления; экономические — «Меры против нищеты народной», в этом разделе вопросы касались отмены косвенных налогов и замены их прогрессивным налогом, отмены выкупных платежей, предоставления дешевого кредита и передачи земли народу, исполнения заказов военного морского ведомства только в России, а не за границей, прекращения войны по воле народа; трудовые — «Меры против гнета капитала над трудом» затрагивали вопросы отношений между предпринимателями и наемными рабочими. Однако столичная бюрократия слабо реагировала на происходящие собрания рабочих, в основном готовилась полиция и армия к встрече рабочих, у которых был приказ не допускать рабочих к Зимнему дворцу.

Г. А. Гапон знал, что Николай II отсутствует в городе, хотя на Зимнем дворце по неизвестной причине продолжал висеть императорский штандарт, извещавший, что царь в столице. Поскольку штандарт не был спущен, то рабочие не теряли надежды на то, что царь выйдет к их депутации. Между тем Г. А. Гапон в письме настоятельно призывал власть услышать мольбу о помощи, полагая, что шествие рабочих к царю поможет открыть ему их бедственное положение. Требования рабочих не были революционны — они не вооружались, казалось, что царь должен откликнуться на народную Петицию. Между тем, до царя письмо Г. А. Гапона не дошло, так как было перехвачено полицией.

Что же касается отношения правительства к насущным требованиям рабочих, то они не вызывали никаких тревог, а в министерствах даже не предполагали, что вот-вот произойдут волнения рабочих в столице. Это было связано с тем, что министерства не имели практики совместных заседаний по решению вопросов государственного характера. К тому же министр юстиции и министр внутренних дел не смогли оценить сложность обстановки и остались в стороне, в качестве сторонних наблюдателей, не пожелав принять на себя ответственность и не приняв вместо царя Петицию от Г. А. Гапона.

В своем дневнике за 8 января Николай II записывает, что в Петербурге со вчерашнего дня забастовали все заводы и фабрики. Как видно, царь был широко осведомлен о делах Петербурге, вместе с тем, он знал, что «во главе рабочего союза — какой-то священник-социалист Гапон». Это значит, что находясь в Царском Селе, царь не пожелал взять руководство в свои руки и изменить ситуацию, он спрятался от народа и предоставил возможность действовать своему дяде в Петербурге, фиксируя, что к городу из окрестностей стягиваются войска для усиления гарнизона. И далее, как бы для успокоения своей души, он отмечает, что рабочие до сих пор вели себя спокойно, хотя количество их определяется в 120 000 человек. Видимо, дневниковая запись служила для собственного оправдания по поводу своего распоряжения, поскольку именно 8 января министр Императорского Двора барон В. Б. Фредерикс сообщил устное высочайшее повеление министру внутренних дел графу П. Д. Святополку-Мирскому об объявлении в Петербурге военного положения. Царь пытается побороть фантом революции своим повелением об установлении военного положения в столице, но когда отдавал такой приказ (вероятно, по телефону), то не подумал о возможных последствиях. Только после высочайшего повеления П. Д. Святополк-Мирский встревожился и срочно провел частное совещание с министрами. Чего больше боялся кн. П. Д. Мирский — военного положения или манифестации рабочих?

Без сомнения, П. Д. Мирский, придерживающийся либеральных взглядов, хотел избежать кровопролития, зная, что армия по закону при военном положении будет применять в случае массовых беспорядков вооруженную силу и расстреливать народ. На совещании министр юстиции Муравьев доложил о своей встрече с Гапоном, охарактеризовав его как фанатичного революционера «социалиста». Наконец, он

выдвинул предложение об аресте Г. А. Гапона, чтобы тем самым обезглавить революционное движение. Предложение Н. В. Муравьева поддержал министр финансов В. Н. Коковцов, а сам П. Д. Мирский и градоначальник И. А. Фуллон слабо возражали. Весьма озадаченный кн. П. Д. Святополк-Мирский после совещания отправился в Царское Село¹, чтобы лично убедить царя отменить военное положение. Витте, как председатель Комитета министров, не получил приглашения на совещание, хотя знал, о его проведении: ранее о нем известил министр юстиции Н. В. Муравьев [3, с. 342]. Впрочем, Витте на это совещание не был приглашен ввиду того, что министр финансов В. Н. Коковцов высказался о позиции Витте, как о предосудительной, дескать и так понятно, что Витте будет поддерживать интересы рабочих [Там же]. Возможно, министр финансов знал об отношении Витте к рабочему движению, если таким образом отстранил Витте от участия в совещании у кн. Мирского. Но Витте был в числе тех людей, которые получили копию Петиции рабочих. Бесспорно, это не было случайным обстоятельством: в свое время Г. А. Гапон направлял записку председателю Комитета министров Витте с просьбой о содействии легализации рабочих организаций под присмотром полиции и совсем недавно он занимался вопросом восстановления уволенных четырех рабочих с Путиловского завода. Как видно, Витте неслучайно вручили копию Петиции, он ее получил у себя дома [3, с. 341] и передать ее мог сам Г. А. Гапон либо могли принести активисты одного из отдела Собрании рабочих организаций².

Вместе с тем вечером 8 января, стремясь предотвратить военные мероприятия, намеченные против народа, творческая интеллигенция во главе с М. Горьким встала на защиту движения рабочих, проявив к нему солидарность. Известные академики и профессора, писатели и поэты, юристы и политические деятели побывали в Министерстве внутренних дел, чтобы встретиться с кн. П. Д. Мирским. Однако им не удалось с ним встретиться, так как им сказали о его отсутствии ввиду того, что он отбыл в Царское Село с докладом царю о положении в столице. Тогда они направились к председателю Комитета министров Витте в целях регулирования этого вопроса. И хотя Витте практически не был посвящен в решение проблемы, однако принял пришедшую к нему депутацию из десяти человек, с которыми провел продолжительную беседу. Среди них были: Н. Ф. Анненский, К. К. Арсеньев, В. М. Гессен, Е. И. Кедрин, Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. И. Семевский, Максим Горький и рабочий-гапонец Д. Кузин [4, с. 413; 3, с. 342]. Солидарность русской интеллигенции с народом проявилась в едином мнении, что встреча царя с народом должна состояться. Между тем интеллигенция проявила беспокойство, что рабочих могут не допустить до царя с петицией, соответственно, в этой ситуации они обязаны предотвратить столкновение народа с армией и возможное кровопролитие. Однако Витте не поддержал их инициативу, по его собственным воспоминаниям он объявил делегации, что этот вопрос не в компетенции председателя Комитета министров. Депутация была недовольна ответом Витте, выговаривая, что не следует в такое время приводить формальные доводы, если вопрос стоит о жизни многих людей, которым угрожает опасность [3, с. 342]. Более того, они заявили, что наутро готовы идти к царю и предупредить его о готовящейся расправе над рабочими. Витте после их ухода тут же позвонил П. Д. Мирскому, тот оказался на месте и Витте по телефону сообщил о приходе к нему общественности, что у них было желание встретиться с ним. Но на другом конце провода не откликнулись на его предупреждение. П. Д. Мирский, как и с Гапоном, не счел возможным с ними встречаться, посчитав, что их пожелания известны и не

¹Кускова Е. Д. Памяти павших // Товарищ. СПб., 1907. № 160 (9 янв.). С. 1.

²Копия народной петиции 9 января 1905 г. находится в личном архиве С. Ю. Витте. См.: ЦГИАМ. Ф. 540. Оп. 1. Л. 4–8.

требуют объяснений. Возможно, Витте надеялся, что этим звонком он заодно привлечет внимание и к собственной персоне, но все было напрасно. Его никто ни о чем не попросил. И только после окончания совещания кн. П. Д. Святополк-Мирский отбыл в Царское Село для встречи с Николаем II. Встреча состоялась поздно вечером, в 23.40 (8 января) [1, с. 99], министр убедил царя не вводить военное положение. К огорчению полиции, она не смогла обнаружить Г. А. Гапона, так как 8 января он скрылся в рабочих домах, а 9 января возглавил Нарвский отдел «Сообрания» рабочих, выйдя с ними к Зимнему дворцу.

Что касается семьи царя, то к ней 9 января примкнула в Царском Селе вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она, как и все, была обеспокоена не только инцидентом, случившимся на Неве, но и тревожными сообщениями из Петербурга. Вся императорская семья в этот день находилась вместе¹, а сам царь пребывал в спокойном состоянии, в то время как в столице расстреливали его народ. В этот день Николай II сделает ряд записей в дневнике, из которых видно, что он знал, что должно было происходить на подступах к Зимнему дворцу. Царь определил этот день как тяжелый, ибо произошли серьезные беспорядки «вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца». Причем он фактически подтверждает, что «войска должны были стрелять в разных местах города», а также констатирует, что «было много убитых и раненых». Здесь показательным является его уверенность в том, что «войска должны были стрелять». Выходит, царь не просто знал о готовящихся событиях, но и был посвящен в детали, ведь итоги этого дня были обобщенно записаны в его дневнике.

В этот же день Витте, находясь в особняке на Каменноостровском проспекте и наблюдая с балкона за толпами рабочих, идущими к Дворцовой площади, стал реальным свидетелем «кровавого воскресенья». Витте ощутил на себе порох этого дня, мимо него пролетело несколько пуль. Толпа народа, которая стремительно шла вперед, к Зимнему дворцу, вдруг хлынула обратно, многие уже несли на руках раненых и убитых [3, с. 343].

Образ «царя-батюшки» мгновенно рассыпался в течение одного дня. Утром городская беднота шла к царю с «народной петицией». Никто не предполагал, что безоружных людей примут за восставших и будут в них стрелять лишь потому, что царь, испугавшись своего собственного народа, находился не в Зимнем, а отсиживался в Царскосельском дворце. В этот день царь предоставил карт-бланш в Петербурге своему дяде в. кн. Владимиру Александровичу. Именно дядя отдает приказ кн. С. И. Васильчикову стрелять в народ и не допускать его к Зимнему дворцу.

Произошло то, что должно было произойти — армия и народ столкнулись, пролилась кровь. Когда самодержавие 9 января выстрелило в собственный народ, оно разрушило единственную ценность политического воспитания при царском режиме — веру в царя. К вечеру Россия уже потеряла привычный образ самодержца: городская беднота, когда в нее стали стрелять, вынужденно бросилась на представителей самодержавия с криком — «у нас нет больше царя». Как ни парадоксально, самодержавие само породило революцию, так называемый внутренний фронт против себя.

Николая II подвело то, что он всегда с исключительной робостью и детской застенчивостью, граничащей с боязнью, относился к своему дяде — в. кн. Владимиру Александровичу [6, с. 125], любимому родному брату его августейшего отца. Видя такое положение, великий князь одно время отошел от дел, чтобы не смущать племянника. Но службу свою в. кн. Владимир Александрович не прекращал, с 1881 г. являлся Командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, хотя

¹ Дневник Николая II. 1905 г., 9 января.

к обязанностям относился равнодушно. Как ни парадоксально, но в. кн. Владимир Александрович слыл жестким сатрапом, об этом знали не только в правительстве, но и в иностранном корпусе корреспондентов. Его верным средством борьбы с народом являлась военная сила. В этот день он ее применил в целях излечения народа «от конституционных затей»¹, хотя 12 декабря 1904 г. на совещании наперекор царю поддерживал идею выборного представительства. Очевидно, 9 января Николай доверился или, скорее, согласился с тем, что все решения его родного дяди окажутся правильными. Неудивительно, что в. кн. Владимир Александрович пытался демонстрировать в своих стремлениях императорское начало, выступая главным образом в противовес Николаю. Так получилось, что Николай II не вникал в существо дела, его мало интересовало то, что происходит в столице. Он вел затворническую жизнь либо в Царском Селе, либо в Петергофе и относился к своим царским полномочиям с равнодушием и не пытался своевременно реагировать на события. С другой стороны, дядя в отсутствие в столице племянника продемонстрировал свою власть, проявив чрезмерно жесткие действия во имя своих амбиций так и не состоявшегося русского правителя. По сути, царь и дядя — оба оказались непосредственными виновниками последствий кровавого воскресенья, начала революционных событий 1905 г. и разрушения самодержавной России. Совершенно очевидно, но в этот роковой день ни одному из них не хватило ума, чтобы остановить «кризис доверия» к царю — выстрелы оказались началом падения династии Романовых. Великому князю Владимиру Александровичу в ту пору было 57, а коронованному племяннику Николаю II шел 37-й год и на престоле российском он находился уже 10 лет.

Случилось то, что и ожидали — тысячная толпа 9 января была расстреляна, в народе появилось новое презрительное дополнение к имени Николая II — «кровавый». В дни трагедии в Петербурге, когда общественность потеряла веру в царя и в победу армии, злые языки поговаривали, что Г. А. Гапон упразднил бога, а П. Д. Мирский упразднил царя. Как ни пытался сберечь свое царствование Николай II от демократии, вместе с 9 января в политику государства внезапно ворвалась политика улицы.

Удивительно, но 9 января 1905 г. стало еще одной непреодолимой гранью, возникшей в отношении Николая II к Витте. Совершенно ясно, что Витте никаким образом не мог повлиять на ситуацию, хотя ему было известно о готовящейся мирной петиции к царю, как и то, что готовится оборона Зимнего дворца. Витте не свойственно было бездействовать, но накануне 9 января он ограничил свои полномочия и не проявил никакой активности. Возможно, лукавил и хотел показать, что может случиться, когда он не участвует в повседневной политике, а лично царь пренебрегает его советами. Или затаил обиду, ведь им пренебрегли и не пригласили на совещание к П. Д. Мирскому. Но многие после событий 9 января обвинявшие Витте в бездействии считали, что он, всегда во всем такой всесильный, мог бы накануне «кровавого воскресенья» поехать к царю, чтобы доложить об истинном положении дел в столице. Ведь многие догадывались, а некоторые даже знали, что будут стрелять — армия и полиция были приведены к полной готовности, чтобы не допустить манифестантов на Дворцовую площадь.

Николай II весьма болезненно отнесся к бездействию Витте, полагая, что Витте, вероятно, единственный, кто мог бы правильно услышать призыв народа. Но Витте не услышал. Осознавая этот факт, царь все более сердился на Витте. Так, в январе 1905 г. он уверяет в письме императрицу Марию Федоровну, что ее просьба об оказании помощи Витте выполняется полностью, дескать, с его стороны делается все возможное для облегчения положения ее протеже, и он (т. е. Витте) это чувству-

¹Красная летопись. 1922. № 1. С. 43.

ет. Переходя на конкретику, Николай ссылается на мнение в обществе по поводу поведения Витте в январе 1905 г.: «...не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и, что он примется за водворение порядка, прежде всего» [5, с. 129]. Из версии, которой придерживался царь в этом письме, видно, что в январских событиях Витте не проявил себя достаточно верным человеком, когда на самодержавие наступал народ. Вину в случившейся трагедии царь должен был возложить не столько на Витте, сколько на министров и, в первую очередь, на самого себя. Министров он вскоре отправил в отставку, а вот перед августейшей матерью, прикрываясь общественным мнением, пытается переложить ответственность с себя на Витте, показывая, что он выполняет ее просьбы, но ее посредничество за Витте не приносит должного результата.

В свою очередь Витте пришлось оправдываться перед всеми, почему он остался дома и не поехал в Царское Село, когда к нему пришла депутация демократической интеллигенции. Да, не мог, были две веские причины, которые он приводил как аргумент в своей невиновности. Во-первых, он не был официально посвящен в этот вопрос. Во-вторых, не подобало ехать в Царское Село ночью будить царя ради того, чтобы «поставить себя в фальшивое положение», если бы оказалось, что «решили ничего не делать»¹, т. е. если все договорятся.

Он сделал попытку отмежеваться от 9 января, но при этом продолжал оставаться на первых ролях и в гуще событий. Судя по обвинениям, всем казалось, что только Витте мог распутать этот гордиев узел. Не от того ли, что Витте вел самостоятельную игру и был яркой, авторитетной личностью? Витте скорее всех понял, что нужно делать в это смутное время, он действительно не хотел ставить себя в «фальшивое положение». Вот почему он пытался создавать вокруг своей персоны благоприятное общественное мнение, а за Николаем II тянулся шлейф постоянных ошибок, хотя царь и стремился сохранять свой «чистый образ» для истории.

Николай II не пытался развить достигнутые в правлении успехи, заниматься реформами, провозглашенными 12 декабря 1904 г. В январе 1905 г. он безрассудно теряет престиж общезначимого титула — «царя-батюшки», который ему любезно даровал народ, несмотря на его молодые годы. Вера в божественную власть «царя-батюшки» была утрачена, а соответственно была поколеблена и вера в Бога. В эти дни зашатались два политических столпа династии Романовых — самодержавие и православие. Троиединство идеологического символа царского режима — «самодержавие, православие, народ» — было сломлено, народ от выстрелов встряхнул с себя очарование царизмом. С этого момента начинается самостоятельный путь народного движения. Можно ли было предотвратить расстрел безоружных демонстрантов, чтобы сохранить образ царя-батюшки? Вероятно, была возможность не убивать своих подданных, но в сознании самодержца любое нападение на царскую персону или представителей бюрократии рассматривалось как терроризм, который следовало в корне уничтожить.

После расстрела мирных демонстрантов растерянность охватила высшие сановные круги. Было очевидно, что самодержавие не справилось с шествием рабочих, хотя оно по своему намерению было мирным, а предводитель рабочих священник Г. А. Гапон действовал легально, оповестив двух министров правительства о шествии к Зимнему дворцу. Расстрел подданных в центре столицы явился не случайным, а преднамеренным фактом. Власть одновременно показала и свою слабость, и страх перед народом.

Николай II решил укрепить в столице порядок. Поэтому в целях регулирования порядка он спешно стал менять кадровый состав высших сановников. На основании

¹Авенар Э. Кровавое воскресенье. Харьков, 1925. С. 128.

приказа от 11 января в Петербург был назначен новый генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, сын того Трепова, в которого в 1878 г. стреляла Вера Засулич. Царь надеялся, что Трепов-младший сможет искоренить терроризм. По случайному совпадению, их судьбы таинственно были соединены: и царь, и Трепов оба пострадали от террористов. Так, у Николая II в 1881 г. был убит дед — Александр II, а у Д. Ф. Трепова в отца дважды в живот стреляла революционерка, но он чудом остался жив. Другой, не менее важный момент, сблизивший их судьбу, — они оба подверглись обстрелу в январские дни 1905 г.: 2 января стреляли в Трепова, а 6 января пули от картечи пушки легли у ног Николая II. Оба остались живы. Похоже, в этих таинственных совпадениях имеется что-то мистическое и вряд ли такое глубокое сходство жизненных ситуаций не могло не притягивать их друг другу. Как ни странно, камердинер Николая II — Н. А. Радциг, служивший у царя с 5 мая 1877 г., тут же выразил свое мнение в салоне А. В. Богданович о новом назначении Д. Ф. Трепова. Оно было весьма лаконичным — «печально, что назначили Трепова» и далее прозвучали слова, «что он груб и глуп» (запись 12 января 1905 г.) [2, с. 336]. Не следует забывать, что Д. Ф. Трепов прежде всего привлекал царя как выпускник Пажеского корпуса и службой в лейб-гвардии конном полку. Перед царем предстал человек, определяющей чертой которого была принадлежность к конногвардейскому полку.

Через три дня после назначения Д. Ф. Трепова, 14 января, грянула ожидаемая отставка министра юстиции Н. В. Муравьева, а 18 января отставку получил министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский.

Между тем падение престижа царя в народе продолжалось, царь пожелал выступить перед народом с Манифестом. Разумеется, Николай II понимал, что с этим вопросом может справиться лишь Витте. Политическая подоплека состояла в том, что Витте в этом случае думал, что царь будет предлагать ему пост министра внутренних дел, а у царя были совершенно иные представления по этому поводу. Витте ясно дал понять Николаю II, что этого не следует делать, объяснив, что он по своему характеру всех заберет в свои руки, и что государю это не понравится. Но просьба царя касалась созыва совещания с участием всех министров и председателей всех департаментов Государственного совета в целях выработки «мер государственной важности», вызванных последними событиями. Витте было предложено стать председателем совещания. Министр земледелия и государственного имущества А. С. Ермолов по просьбе царя выработал повестку совещания из шести вопросов и передал Витте в половине двенадцатого ночи 17 января. В свою очередь, Витте оставил в повестке всего один вопрос. Безусловно, находясь в критическом положении, царь заботится о «сохранении своего лица». Как бы плохо царь ни относился к Витте, но каждый раз в сложной ситуации прибегал к его помощи, как бы чувствуя себя при нем защищенным. Николай II был уверен, что Витте сможет защитить самодержавие и найти правовое основание для сохранения его авторитета.

17 января Витте в письме министру народного просвещения В. Г. Глазову обращается о созыве срочного заседания по велению Его Величества. В письме очевидны намеки на то, что царь доверяет Витте и разрешает впредь по его инициативе или других министров такие совещания созывать, если будет существовать в этом необходимость. Самолюбивый Витте был польщен тем, что царь как председателю Комитета министров, доверил ему деликатную миссию — провести такое важное совещание.

Совместное заседание министров и других высших сановников состоялось 18 января, т. е. на следующий день. Как передает Глазов, конкретно был поставлен общий вопрос перед всеми министрами: о состоянии государственного управления. После событий 9 января стало очевидным, что существует разрозненность действий ми-

нистов и отсутствие между ними солидарности. В силу того что каждый министр частным образом, отдельно от других министров, представлял доклад лично царю, другие министры не могли знать, чем занимаются его коллеги и какие именно возникают проблемы в других министерствах. Так, о беспорядках в столице было известно лишь 2–3 министрам. В этой связи было предложено изменить существующий порядок, совещающиеся с царем частным образом министры должны быть призываемы к решению общих государственных вопросов. Официальный протокол заседания не вели, но черновую запись сделал карандашом на пригласительном билете министр народного просвещения В.Г. Глазов. Будучи военным по профессии, он действовал оперативно и смог уловить главный смысл выступлений присутствующих на этом заседании. Всего присутствовали на заседании 23 человека, из них 14 принимали участие в дискуссии; председательствовал С.Ю. Витте, его имя в протоколе упоминается 31 раз, за принятый результат проголосовали 14 человек, против — 9. На заседании присутствовал в. кн. Александр Михайлович. Что касается Витте, то его умение вести такого уровня заседания не вызывало ни у кого сомнений, его высказывания по существу отличались от речей других выступающих своим содержательным характером, умением аргументировать и отстаивать свои позиции.

Живой протокол Глазова передает многие нюансы, которые могли быть скрыты в официальных протоколах. Совершенно очевидно, что Витте был свободен в общении, давал возможность высказаться другим участникам дискуссии, а главное, он обладал умением направлять выступающих к нужному результату. Участники совещания руководствовались главной мыслью, что «государь должен быть отделен от кровавых событий» (т. е. от 9 января), что необходимо убедить рабочие массы в его невиновности, что государь «скорбит» по поводу событий 9 января. Вопрос стоял: насколько будет правомочен манифест (как призыв главы государства к населению по поводу произошедших событий) или рескрипт (как личное письмо императора, собственноручно подписанное) о милости царя семьям погибших. Значение имели и такие вопросы, как: стоит ли отделять царя от правительства и армии, где нужно прочесть манифест — в церкви или перед депутацией представителей рабочих и т. д. Присутствующие были озабочены тем, что не знали, в какой форме предоставить народу слово царя? Каким образом показать, что царь не есть враг народа? Наконец, что необходимо сделать, чтобы все видели, что «государь существует», а совершившееся «произошло не по его велению»?¹ Как председатель, Витте с страстием показывал всем свою лояльность царю и защищал достоинство его величества. Он предложил представить манифест незамедлительно, т. е. 18 января, не ради проведения следственных мероприятий, а в силу того, что произошло крупное событие в Петербурге. И еще очень важная деталь: Витте призвал внутри правительства осуществлять в смутное время взаимную выручку.

По характеру действий заметно, как Витте в разных ситуациях способен был менять свои взгляды и поведение. Если 8 января — Витте бездеятельный и не желающий брать на себя ответственность сообщить царю о просьбе демократической интеллигенции встретиться с рабочими и выслушать их требования, то 18 января — это деятельный, внимательный и преданный царю человек. В первом случае Витте показал себя слабее и менее значительным, чем мог себя представлять как представитель законной власти, обладая пусть минимальными, но все же, властными полномочиями. Витте же через десять дней, получив от императора доверительные полномочия, вновь почувствовал силу своей власти и проявил свою верноподданническую почтительность. Следовательно, Витте в каждом деле хотел видеть честные и доверительные отношения.

¹ Проект манифеста о событиях 9 января / Красный архив. Т. 4–5 (11–12). М.-Л., 1925. С. 26–38.

На совещании Витте честно создавал царю алиби, но он понимал истинную причину малодушия Николая II. Тем не менее из этого не следует, что Витте был двуличным человеком и проявлял на заседании лицемерие и был неискренен по отношению к царю. Там, где удавалось, он пытался даже осветить некоторые болевые точки в обсуждаемых вопросах.

Показателен тот факт, что в своей речи Витте делал акцент на имени в. кн. Владимира Александровича, беспристрастно намекая на то, что в народе существует убеждение, что именно он отдал приказ стрелять в народ. И хотя тема не была дальше развита, но все присутствующие знали, что великий князь намеренно готовил армию к отражению натиска рабочих на Зимний дворец. Другое дело, рабочие не остановились, они во что бы то ни стало пытались увидеть царя, и не их вина, что царь не смог встретиться с ними и не остановил боевые приказы своего дяди против народа.

Витте, как председатель, старался утвердить проект манифеста с обращением к народу, но проект повис в воздухе, а Николай II воспользовался идеей Д. Ф. Трепова, который предложил царю устроить встречу с рабочими в Царском Селе. Собственная идея Николая II выступить с манифестом перед народом обернулась мелким фарсом Д. Ф. Трепова. Царь опять обольстился «новизной», поэтому идея Трепова оказалась востребованной, а манифест правительства, не появившись, утратил силу.

Жители Петербурга были озабочены сложившимся положением в правительстве после январских событий и беспокоились, как поведет себя царь. В салоне супругов Богданович были получены достоверные и свежие новости от А. А. Мосолова насчет депутации рабочих, которую должен был принимать царь. Из его сообщения просочились некоторые подробности этого приема. Так, прежде чем депутацию рабочих отправили в Царское Село, их подготовкой к приему занимался директор департамента полиции генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов, которому принадлежала идея проведения этой встречи.

Итак, 19 января Николай II в Царском Селе принял депутацию «представителей петербургских рабочих», состав которой в количестве 34 человек специально был подобран полицией. Тех людей, которых по какому-то непонятному списку хватали и привозили в Зимний дворец, где Трепов и другие особы по понятным только им признакам отбирали нужных людей, затем их всех обыскивали, раздевали и переодевали под рабочих. Если кто-то с кем-то пытался заговорить, то переговоры друг с другом пресекались. От страха все замолкали, все происходящее осуществлялось под присмотром жандармерии. Переодетых под рабочих людей доставили в царский павильон на вокзале, после чего их посадили по два человека в купе вагона, при каждом по сыщику и увезли в Царское Село, чтобы они перед царем представляли рабочих¹. Центральным моментом являлся выход царя к рабочим, которые должны были встретить его повинными словами: «Прости, государь» (запись 18 января 1905 г.) [2, с. 340].

Царь прочитал по бумажке новоиспеченным рабочим свою речь. В ней говорилось, что царю известно, как «нелегка» жизнь рабочего, что он понимает, как «много надо улучшить и упорядочить», но при этом он пожурил, что не следует ему о своих нуждах заявлять «мятежной толпой», так как это преступно. В заключение Николай II заявил: «Я верю в чистые чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их»². На этой оптимистической ноте царский прием закончился. В дневнике Николая II появились лаконичные зарисовки этого дня: «утомительный день», «Булыгин назначен министром внутренних

¹Статья «Единение царя с народом». См.: «Голос труда». 1905 г., № 2.

²ЦГИАМ. Ф. 540, оп. 1, д. 739, л. 45, об. 46.

дел», «принял Витте». Интересен тот факт, что царь в этот же день (19 января) провел совещание, на котором присутствовали Воронцов, Фредерикс, Коковцов, Сольский, Рихтер. От внимания Богданович не укрылось, что Витте также присутствовал на этом совещании, указывая на него, она с тревогой пишет, что если будет создан «кабинет», то Витте станет «владыкой» России [2, с. 341].

Интересно: после проведения заседания 18 января, где министры серьезно вели диалог о судьбе самодержавия, Витте 19 января был вызван в Царское Село. Видимо, по причине не принятия царем текста манифеста. Как ни парадоксально, но Трепов опередил всех, наспех организовал встречу «мнимых» рабочих с царем, а царя заставил выступить главным персонажем в политическом спектакле. Выходит, заседанию министров под председательством Витте 18 января определенно не хватило чинности, поскольку Трепов обстоятельно заменил собой целое правительство и сам организовал встречу царя с рабочими. Влияние Трепова на царя усиливалось.

Через день в салоне у А. В. Богданович комментировали эту знаменитую встречу царя с рабочими. Сперанский по секрету открыл тайную завесу по поводу авторства текста речи. По его данным, речь для царя написал А. А. Мосолов (запись 20 января 1905 г.) [там же]. Однако, по другим источникам, проект речи Николая II к рабочим составлял Д. Ф. Трепов¹. Вполне вероятно, что они оба могли быть причастны к составлению этой речи для царя. Известно, что Мосолов и Трепов состояли в родстве, соответственно, о конкуренции между ними не могло быть речи, их рассматривали как единое целое при царе. Как отмечает сам А. А. Мосолов, заслуга Трепова после 9 января состояла в том, что он без крови смог усмирить начало революции [6, с. 42], но он не говорит о своем участии в написании текста речи. Во всяком случае «треповский» вариант речи царя к рабочим относится лично к заслугам Д. Ф. Трепова так же, как и сама организация знаменитой встречи царя с рабочими. Что касается реакции «неподдельных», а настоящих рабочих Петербурга на постановку бутафорной встречи с царем, то она была резко категоричной. По мнению рабочих, эта встреча имела жанр «подлой комедии во дворце» [3, с. 613].

Итак, начало января 1905 г. ознаменовалось кровавым воскресеньем в Петербурге — столкновением народа и армии, но была другая часть армии, которая билась на Дальневосточном фронте и несла потери как человеческие, так и территориальные. Витте до войны предрекал поражение России, если она вступит в войну с японцами, но к его словам никто не хотел прислушиваться. Царь на тот момент был очарован проектами «безобразовской» группы, идеями своего кузена — германского кайзера Вильгельма II. К военному кризису, начавшемуся с момента русско-японской войны (1904 г.) добавился политический кризис (1905 г.), в обоих случаях была задействована армия. В первом случае война шла против внешнего врага — японцев, а во втором — армия в Петербурге вышла против собственного народа и стреляла в безоружную толпу.

В феврале 1905 г. армия под Мукденом терпит поражение, но и в столице сражаются в полемике министерства, в нее вовлечен и царь. Война в разгаре, а в правительстве вместе с царем решают вопрос о том, каким должна быть структура государственного управления или как соединить представительство с министерским управлением. Бесспорно, было понятно, что царь противился и не допускал мысли, чтобы Витте руководил объединенным «кабинетом» и держал в своих руках существующую систему государственного управления. С другой стороны, Витте пытался выйти из конфликта с царем непобежденным. Даже в такой момент, когда решался исход того, быть ему председателем объединенного совещания, он не оставляет вопроса об окончании войны.

¹Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 240–242.

Контрударом в этом случае можно считать препроводительные письма Витте, которые он написал в феврале 1905 г. для передачи царю. Письма Витте передавались через доверенное лицо царя. Этим лицом был начальник канцелярии главной квартиры, ведавшей военной свитой Николая II, друг детства царя граф А. Ф. Гейден. Первое письмо было послано после Мукденовского поражения русской армии (это примерно в конце февраля). Витте вложил в письмо статью из «Русского слова» [3, с. 383]. Статья была без подписи, но Витте предполагал, что статья принадлежит перу московского земского статистика В. Г. Михайловского. Автор в статье подчеркивал невозможность успехов русской армии в дальнейших битвах с японцами. Он как бы намекал о необходимости прекращения войны. Что касается Витте, то он твердо выступал против войны, а эта статья стала подтверждением его позиции. В записке Витте просит Гейдена, чтобы тот рекомендовал обратить внимание его величества на эту статью. В ответном письме прозвучали с «различными соображениями и колкостями» аргументы в пользу продолжения войны. Витте передали, что ответ писался с ведома царя. Витте отважился на второе письмо, где в тоне ответа, подражая Гейдену, написал, что, будучи противником войны, он считает, что «скорейший мир есть лучший исход сего государственного преступления». Письмо было прочитано, но на этот раз ответа не последовало [3, с. 383–384]. Царь уповал на победу, ему вселяла надежду морская эскадра, которую он собрался перебросить из Черного моря на Дальний Восток.

Характерной особенностью этого времени являлся тот факт, что многие писали дневники, фиксировали важные события, пытались составить свое мнение о государственных деятелях. Интересно, в дневнике государственного деятеля графа А. А. Бобринского (1852–1927) можно найти портретные зарисовки Витте и Николая II. Так, Витте в русле общего хаоса и бессмыслицы изображен следующим образом: «из всего внутреннего хаоса всплывает... хитрая, вероломная и умная фигура Витте»¹. Как видно, в действиях Витте современники видели человека противоречивого, но умного. Да, он мог в разных ситуациях вести себя в русле необходимого жанра, но главным для Витте все-таки оставалась его служба, и он ее не предавал. Следует придать значение и характеристике царя, которую гр. Бобринский дает в своих дневниковых записях ввиду того, что смог более точно уловить особенности, отличающие личность Николая II от личности Витте. Пожалуй, графу А. А. Бобринскому удалось выделить те черты царя, которые в дальнейшем спровоцировали падение династии. Граф Бобринский принадлежал к роду императорской семьи по линии Екатерины II, являясь ее внебрачным праправнуком от связи с фаворитом Г. Г. Орловым. У него были основания видеть те просчеты, которые были недопустимы для правителя; его прапрабабка Екатерина II являлась образцом правителя, сформировавшая век Просвещения Российской империи.

Еще в 1895 г. граф Бобринский в дневнике подчеркивает те качества Николая II, которые через некоторое время будут замечать и все остальные приближенные: «слабоволие, нерешительность и замкнутость». В течение 10 лет наблюдая за ним, граф Бобринский приходит к мысли, что царь остается для него загадкой, одним словом — «Сфинкс», т. е. царь та личность, которая ничем себя не проявляет, постоянно играет со всеми в прятки и никто его не видит, сидит невидимкой и спит на вулкане, не слушает министров и желает царствовать «сам» (записи в дневнике от 5 марта, 21 марта 1895 г.; 28 мая 1904 г.; 20 марта, 10 апреля, 1 мая 1905 г.)².

Тот хаос, который порождался слабоволием царя, был очевиден всем, а у некоторых задевал наилучшие чувства патриотизма и подталкивал к созданию новых

¹ Мурзанова М. Дневник А. А. Бобринского (1910–1911) // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 126–132.

² Там же.

либеральных проектов. Так, в январе 1905 г. граф А. А. Бобринский во время представления императрице Александре Федоровне пытался убедить ее «в неотложной необходимости созыва представителей», предполагая, что императрица «конституционалистка», но на деле, когда он разобрался, она оказалась сторонницей самодержавия. Понимая, что стране нужны реформы, он готов был помочь государю и правительству. Как он отмечает, этим занимался не только он один, среди непризнанных реформаторов он называет Б. А. Васильчикова, сына Л. Н. Толстого — Л. Л. Толстого, а также А. С. Ермолова. Он скромно пишет о себе, что «скроил» проект манифеста, а затем передал его Александре Федоровне¹. Не исключено, что его подтолкнуло к этому поступку не столько замешательство правительства, сколько то, что ему передала его мать со слов жены Витте — М. И. Витте. Матильда Ивановна якобы сообщила ей, что ее муж (Витте) говорил государю по поводу реформ. Смысл разговора состоял в том, что он, «скорее даст себе отсечь руку, чем подпишет конституцию»². Бобринского, видимо, напугал диктаторский подход Витте, не совпадающий со знамением времени, что могло бы привести к ухудшению положения в стране, а главное — возрасти влияние Витте на личность царя.

В высших бюрократических кругах февраль оказался насыщенным. Наконец, бюрократия вышла из своих министерств и стала совместно вырабатывать государственные акты. Боролись за каждое слово, как оно должно звучать, для какого условия оно подходит, а для какого оно будет не понятным или оскорбительным. Витте надеялся, что он сможет преобразовать совещания министров в «европейское правительство», но уже в феврале 1905 г. Витте пишет отчаянно-паническое письмо на фронт А. Н. Куропаткину, которое посылает не по почте, а через кн. Трубецкого, опасаясь, видимо, что оно может быть перехвачено. Письмо являлось откровением о существующем положении русского правительства и самодержавного царя. Ссылаясь на собственную апатию, Витте в то же время анализирует политическую скорость России, с которой она катится по наклонной плоскости к естественному своему поражению. Причиной такого положения России, по мнению Витте, является война, ибо эта война «беспричинная и бесцельная», так как никаких результатов от нее Россия не может получить. Искусственная вспышка патриотизма могла бы продержаться некоторое время, если бы война могла продлиться несколько месяцев. В этом случае мог бы окрепнуть русский дух и международный престиж, «но война затянулась и произвела сплошной смрад в общественном самосознании». Витте утверждает, что война завязалась без достаточных поводов, поэтому война есть «род государственной авантюры». Все неудачи России произошли от того, что правительство все мельчало и мельчало, прежде министров ненавидели, а теперь презирают, если прежде правительство не любили, но с ним считались, то теперь смеются злобно, стараясь его придушить. Что может изменить эту картину? Люди? Нет, выход не от людей, а от Промысла. Люди сами уготовили такие обстоятельства для России из-за своего безумия, слабости, мелкоты характера и помышлений. В чем же искать Промысл? По мнению Витте, он нужен не для России, а для того, чтобы мог устоять ее «нынешний режим». Витте переживает, что Россия теряет не только материальные, но и человеческие ресурсы. Более того, он понимает, что России такая война не нужна. Бессмысленно воевать, когда европейские державы и Америка не позволят ей поживиться в Маньчжурии, японцы не отдадут Корею, а силы России таковы, что она может потерять Сахалин и южную ветвь с Порт-Артуром навсегда и т. д. Его озабоченность состоит в том, что Россия должна незамедлительно пойти на мир, иначе через несколько месяцев придется принять мир еще худший. На этом фоне, что значит указ 12 декабря 1904 г.? Задавая свой вопрос,

¹ Там же.

² Там же.

Витте сожалеет, что 10 лет он добивался того, что предначертано в указе 12 декабря, но все были глухи. Прошли годы министерства Горемыкина, Сипягина и даже Плеве — этот указ мог бы в их время принести пользу в укреплении «самодержавного режима» на 10 лет вперед, что касается сегодняшнего дня, то теперь немного можно ожидать от него пользы. Понятно, у Витте происходит спад настроения. Он понимает, что трудно не только ему в тылу, но и Куропаткину на фронте, хотя «...где труднее, где опаснее, где хуже, — около Мукдена или в Петербурге» — Витте не знает. Однако подчеркивает, что той политике, которой Куропаткин сочувствовал, земство и дворянство сейчас выступает против «самодержавного государя», хотя народ интуитивно за царя (из письма от 27 февраля 1905 г.)¹. Паническое настроение у Витте назревало в течение февраля и марта по мере того, как он погружался во все поглощающие дискуссии в правительстве. Что хотел получить от них царь — никто не знал. Однако всем было ясно, что Николай II не допустил, чтобы совещания министров в дальнейшем продолжались под председательством С. Ю. Витте и в апреле 1905 г. он их распустил. Царская немилость к Витте сменилась очередной опалой. Витте вновь оказывается не у дел.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Аleshин В. С. *Благородство и подлость: Романтизированная биография Николая II в четырех частях*. СПб., 2011.
2. Богданович А. В. *Три последних самодержца*. М. : Новости, 1990.
3. Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 2. М. : Книга по требованию, 2013.
4. Гурко В. И. *Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника* / вступ. ст. Н. П. Соколова и др. М., 2000.
5. Кудрина Ю. В. *Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын*. М., 2013.
6. Мосолов А. А. *При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора*. СПб. : Наука, 1992.

References

1. Aleshin V. S. *Nobility and meanness: The romanticized biography of Nicholas II in four parts* [Blagorodstvo i podlost': Romantizirovannaya biografiya Nikolaya II v chetyrekh chastyakh]. SPb., 2011. (rus)
2. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M. : News [Novosti], 1990. (rus)
3. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 1. M. : «Book on demand» [Kniga po trebovaniyu], 2013. (rus)
4. Gurko V. I. *Lines and silhouettes of the past: The government and the public in Nicholas II's reign in the image contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika] / introduction article of N. P. Sokolov, etc. M., 2000. (rus)
5. Kudrina Yu. V. *Empress Maria Fedorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M., 2013. (rus)
6. Mosolov A. A. *At court of the last emperor. Notes of the chief of staff of the minister of the yard* [Pri dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra dvora]. SPb. : Science [Nauka], 1992. (rus)

¹ Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. / Красный архив. Т. 6 (19), 1926. С. 73–76.